

Валентина ЛЕОНТЬЕВА:

PRIMORYE

Взвешивать клятву - 1998,
- 30 июня - 5 августа - с. 7

Я никогда ему не изменяла

— Валентина Михайловна, как получилось, что вы родились в Ленинграде, а учиться поехали в Москву?

— Еще до войны я готовилась стать актрисой. Потому что я родилась в актерской семье. Моя тетя — мамина сестра — была певицей Малого театра, дядя — скрипачом в Мариинке. Мама играла на рояле. Папа каждый день писал маме совершенно потрясающие стихи — у меня их сохранилась целая тетрадь в сафьяновом переплете. В коммунальной квартире, где у нас было две комнаты, мы устраивали музыкальные вечера. Было безумно весело: много гостей, все пели и играли. И я купалась во всем этом празднике среди творческих людей. Потому и решила: буду актрисой и больше никем!

— Ходили в какой-нибудь кружок?

— В тчецкий в Доме пионеров на Аничковом мосту. И в возрасте восьми лет выиграла всесоюзный конкурс. Последний третий тур проходил в огромном зале, на мне был матросский костюмчик с плиссированной юбкой, а на голове — большой бант. И что вы думаете я читала? — «Взятие Зимнего» Маяковского и «Турк-сид» братьев Тур! Мне вручили большой золотой жетон, который я благополучно потеряла.

— А с каким репертуаром ехали в Москву?

— Репертуар был большой. Много басен, «Овечий источник» Лопе де Вега... Я приехала в Москву к тетке, на Арбат, опоздав на вступительные экзамены во все столичные институты. Оставался только химико-технологический — я и поступила на отделение взрывчатых веществ. А когда снова начался конкурс в театральные институты, я уже поняла, что и в ГИТИС не пойду никогда, и в Щукинское меня не возьмут. Пришла в училище МХАТа, где уже набрали первый курс, но очень нужна была героиня. Заявилась прямо к Топоркову: «Василий Осипович, прослушайте меня, пожалуйста!» И вот представьте себе: сидят Тарасова, Массальский, Яншин, Топорков — все столпы, на которых я молилась. Я читаю «Овечий источник», в котором есть фрагмент, где Лоуренсия обличает всех мужчин. Вдруг Топорков встает: «Валечка, ну за что же вы нас так, бедных?» И меня взяли. А после окончания поехала в Тамбовский театр, где и стала актрисой.

— Интересно, что вы играли?

— Потрясающие роли: Ларису в «Бесприданнице», Джемму в «Оводе», леди Милфорд в «Коварстве и любви». А потом режиссер сказал, что меня «надо сломать». В роли Перелухи в «Каширской стороне» я была, как поросенок: везде накладыв, белое ненакрашенное лицо. И ростом мне по пояс мой партнер — воздыхатель-вижовец. Из Москвы приезжали — смотрели меня. В общем, я довольно хорошая актриса, наверное, была.

— Каким образом вы вернулись в Москву?

— В Тамбов приехал ставить дипломный спектакль москвич-вижовец. Мы полюбили друг друга. Но когда оказались в Москве, возникли жуткие осложнения. Нужны были деньги, но в театр я не пошла принципиально. Решила, что закончу курсы машинописи и буду секретаршей. Это был 1954 год.

— И тут родилось телевидение...

— По радио я услышала о конкурсе теледикторов на Шаболовке. Что делают дикторы радио, я знала. А дикторы телевидения? Телевизора у меня не было. Ну, думаю, а вдруг? Хотя какие-то деньги... Пришла. Совершенно не волновалась. Не возьмут — ладно... Мне на стол положили четыре листочка. А там написано: «Лебединое озеро». Либретто. Я думаю: «Зачем читать? Это же можно рассказать!» И за то, что я импровизировала, меня одну и взяли. Причем оказалось, что штатной единицы пока нет. Сделали меня помощником режиссера. Год я занималась тем, что созванивалась со всеми, кто должен был приехать. Работала хорошо, и через год, когда штатная единица появилась, режиссер вдруг объявил: «Диктора мы всегда найдем, а

ФОТО ВОРИСА КРЕМЕР

Когда 44 года назад она начинала на телевидении свою работу диктором, то входила в тройку самых любимых. Сегодня на радио «Говорит Москва» она ведет две передачи: «Тетя Валя рассказывает» — для детей и «Память сердца» — для взрослых. Смешно, но ее как-то обвинили в принадлежности к американской контрразведке. Слухи были вызваны тем, что вместе с мужем, некогда советником посла России при ООН, она два года прожила в Америке, где ей «было плохо и одиноко». Вне дома больше недели она прожить не могла. Если бы ей, с ее сегодняшней мизерной зарплатой и пенсией предложили отдых на Канарах, она бы не поехала — «ностальгия какая-то гипертрофированная»... 1 августа у Валентины Михайловны Леонтьевой день рождения. Поздравляем. От всей души! Не сомневаемся, что к нам присоединятся зрители телепередачи с одноименным названием и многих других — «Спокойной ночи, малыши!», «Умелые руки», «Голубой огонек», «Вечер веселых вопросов», «В гостях у сказки». Ведь она так запросто входила к нам в дом.

вот такого помощника, как Валя, — никогда». Но к тому времени я уже ходила на занятия к Ольге Сергеевне Высоцкой — самому первому нашему диктору. И она сделала чудо — влюбила меня в телевидение. И теперь я сумасшедшая. Если я не переступлю порог телевидения, я не живу...

— Как вы первый раз вышли в эфир?

— У меня тряслись колени, даже столик дрожал. За минуту до начала передачи едва не потеряла сознание. Я очень дружила с Ираклием Луарсавичем Андрониковым. И он мне потом рассказывал, как увидел тогда на экране телевизора молодую перепуганную женщину, глаза которой были обращены не в камеру, а внутрь, и там, где-то в своей голове, она читала строчки, смысла которых не понимала, будто шла на эшафот... После эфира мне сказали: «Ну все. До свидания». Я со слезами побежала к Ольге Сергеевне. Все ей, плача, рассказывала. И она пошла к Пузину, председателю: «Даю правую руку на отсечение, что из Леонтьевой выйдет очень хороший диктор». С 17 апреля 1955 года я стала регулярно работать.

— На телевидении того времени не мешала склонность к импровизации?

— Однажды моим гостем в студии был геолог, который безумно волновался и после передачи унес с собой мои листочки с программой передач на ближайшие два дня. И я осталась с пустым столом. Что делать? Тогда я говорю: «Дорогие телезрители! К сожалению, я вам не могу рассказать подробно о передачах, которые вы сможете посмотреть по первой и второй программе. Но, уверяю вас, они будут очень интересны...». После этой импровизации меня никто не вызывал. Но и спасибо тоже не сказали. А дня через три начался

Карибский кризис, и я читала ТАССовский материал — без точек и запятых. Читаю сложнопонимаемый мною текст — и вдруг в монитор вижу, что на меня идет кошка. Прыгает ко мне на колени. Проговорив «извините», беру ее за шкирку, и она с жутким визгом отлетает в сторону. А я продолжаю читать: «Французские империалисты...» В аппаратуру просто умिरалась со смеху. Я продолжаю читать серьезным голосом, но вижу, что кошка опять идет ко мне. Тогда один из актеров по-пластунски под столом проползает и, схватив ее за хвост, тянет на себя... Я закончила читать эту «простыню», хотя ничего не понимала, что там написано, абсолютно. И тут же потеряла сознание. Вызвали медсестру, что-то мне кололи... Так я начиналась как диктор. Очнувшись, решила, что никогда не буду ничего читать. Когда меня и Кириллова назначили читать новости в новой программе «Время», я отказалась, потому что я люблю говорить.

— Среди дикторов были такие, кому хотелось подражать?

— Когда-то я хотела походить на Ольгу Сергеевну. Потом, конечно, от этого отошла. Я сама по себе. Когда сажусь перед камерой, знаю тему, но никогда не знаю, что буду говорить.

— Вы когда-нибудь ощущали себя звездой?

— Нет, никогда. Хотя, когда я шла с маленьким сыном, и со мной все — «Здрасьте», «Здрасьте» и в автобусах, и в троллейбусах, и в магазинах, тут залуцаешься, пожалуй. Ведь нас, дикторов, было всего трое. Однажды мне сын Митя и говорит: «Мам, ты, наверное, самая-самая важная в нашей стране». Я почему-то так перепугалась... Я вообще по магазинам теперь не хожу. Вот здесь, на Большой Грузинской, живу 17 лет — а всего один раз выходила вечером на

Тверскую. Не хожу из-за лени. У меня есть право вызова машины, до сих пор, слава Богу, оставили. Меня привозят на телевидение, где я покупаю, что мне нужно — хлеб и все такое. Отвозит домой. И начинается: собака, готовка... Хожу иногда на рынок. Бывает, мальчишки-охранники там ко мне подходят: «Тетя Валя, можно вам помочь?»

— Какие черты вашего характера не читаются на экране?

— У каждого человека свои горести. Но когда я сажусь перед камерой, то все их просто забываю. Я же понимаю, что прихожу в неизвестные мне дома, где меня ждут как свою, я там уже родственница.

— Важнее дом или работа?

— Телевидение — первый дом. А мой собственный дом — второй. Может быть, это не слишком правильно. Потому что, когда сын был маленький, я им не занималась. Я работала на тысячу других детей в передачах «В гостях у сказки» и «Спокойной ночи, малыши!». Когда я приносила домой огромные папки с рисунками детей и показывала их сыну, я не понимала, как я его травмирую. Он даже один раз сказал: «Я не люблю маму, потому что она все-хняя, а я хочу, чтобы она была одна моя». И теперь, можно сказать, я расплачиваюсь по векселям. Но поделять ничего было нельзя, потому что я повенчалась с телевидением. И никогда ему не изменяла.

— У вас есть мечты — сбыточные или несбыточные?

— Не мечтаю только тугоголовые. Но мои мечты всегда были очень земные. Вот у нас появился конкурс «ТЭФИ», и там есть номинация «За большой вклад в развитие телевидения». И я начала мечтать, что мне дадут эту премию. Я — народная артистка СССР, лауреат Госпремии. Мне вроде не нужна эта подставкака — «ТЭФИ», эта штука дурацкая. Мне нужно, чтобы все, что я

отдала телевидению за эти 45 лет, люди оценили. Но я премию не получила и плакала. Даже церемонии не смотрела. И до сих пор расстроена.

— Страшный сон.

— Страшный сон у меня в жизни был один: что буквально в течение недели с эфира снимут мои передачи «От всей души» и «В гостях у сказки», даже не поставив меня в известность.

— Почему сняли с эфира «Телескоп»?

— Мы вели его с Игорем Кирилловым. Причем дурачились в свое удовольствие. А ведь сначала, когда принесли материал, я поняла, что мы должны читать новости. Но я же это ненавижу! И отказалась, мне это не интересно. Тогда мне позвонил Разбаш: «Валентина Михайловна, ну как не интересно? Ну, все-таки вы будете в эфире». Я говорю: «Быть в эфире только ради того, чтобы быть, я не могу. Я не прости-тутка». Звонит Любимов: «Валентина Михайловна, я вас умоляю!..» «Саша, мне это не интересно, понимаете?» «Ну, хорошо. Делайте, как хотите». И вот мы сделали два или три «пилота». И Разбаш говорит: «Все 17 человек, которые были на просмотре, — все так хохотали! Вы гениально это делаете!» И мы несколько лет вели эту передачу. А почему сняли месяца три тому назад — я не знаю. Второй канал отказался. Может, на пятом канале будет... Когда Швыдкой его возглавил, мне было очень приятно слышать, как он заявил по телевидению, что будет брать к себе талантливых и интеллигентных людей. И назвал Башмета, Бэлзу и меня.

— Швыдкой сейчас руководит Российским каналом. Может быть, стоит ждать приглашения уже оттуда?

— Не думаю. Он же хотел, чтобы я делала передачу «В гостях у сказки». Но мне позвонили

тогда и сказали: «Валентина Михайловна, мы обратились в архив, и там ни одной сказки нету. Все раскупили». И мне предложили сказки детям опять же читать. Я посмотрела эти передачи — их ведут довольно известные пожилые актеры и актрисы. А «внук» сидит рядом и ковыряет в носу. Ему не интересно... И я отказалась. Я очень хорошо знаю психологию детей. Не так много лет мне было, когда я начала вести «Спокойной ночи» — в пятьдесят девятом году. Потом, после несчастья с Ниной Кондратовой, я только одна вела...

— А что за несчастье?

— Нина делала какое-то интервью на ВДНХ. И там ее корова не то чтобы боднула, но пошла на нее всей своей массой, ударила Нину в надбровье — и у Нины вытек глаз. Нина потом ездила в Германию, и ей сделали искусственный глаз, очень приличный. Меня очень мучило, что я одна теперь веду передачу, вроде бы на горе другого вылезла... Моя бабушка подарила мне серьгу в большой золотой оправе с «актерским» камнем хризопразом (вторая серьга была потеряна). Этот зеленый камень был единственной моей ценностью: я же ходила в мужском пальто и вообще была очень бедная. И вот когда с Ниной случилась беда, я пошла в больницу ее проведать и подарила ей эту серьгу.

— Что-нибудь поразило вас за последнее время? Театральная постановка, фильм, книга?

— Я не хожу ни в театры, ни на тусовки. Никуда не хожу. А вот без чтыва не могу. Но современные книги меня не интересуют абсолютно. Сейчас в третий раз читаю «Сагу о Форсайтах». Как же человек меняется с возрастом! Одну и ту же ситуацию с годами воспринимаешь совершенно по-другому.

— Есть ли такие телеведущие, которые заставляют вас принимать к экрану?

— Мне очень нравится Николай в передаче «Под знаком ПИ». Главное, он говорит десятиую долю того, что он знает. Так же, как и Сергей Петрович Капица из «Очевидного — невероятного». Капица немножко сумасшедший. Но все равно, он — одержим. А мне одержимые люди безумно нравятся. Он не думает о том, как он причесан, о том, что у него галстук уже несколько набоку. Он влюблен в то, что он говорит. И вот это чудо. Вот у них я учусь.

— А среди молодых?

— Они такие поверхностные, хоть мне и не хочется всех огульно обижать. Мне кто-то сказал, что должна выйти в эфир передача «От всей души», только под названием «Найди меня». Я отнеслась к этому довольно спокойно. Посмотрела. Ведущая — молоденькая девочка. Ну не может она понять 70—80-летнего старика или старуху с их горестями! Не потому что она не талантлива. Она просто не ступила еще в эту воду, не замочила ноги.

— Валентина Михайловна, а у вас не было мысли элементарно снять телефонную трубку, позвонить высокому начальнику и сказать: «Я — та самая знаменитая тетя Валя. И у меня есть желание, силы и возможности работать в кадре»?

— Нет, что вы. Да нет! Я камен. Под который вода не течет. Я прихожу каждый день на работу, потому что я получаю зарплату. Я сейчас ничего не делаю. Сажу в своей комнате — слава Богу, пока не забрали — и смотрю телевизор. Но я не могу не прийти на работу. При Листьеве весь дикторский отдел разогнали. И я очень боялась, что выгонят и меня. И тогда я умру. Юра Николаев мне сказал: «Ну что вы волнуетесь? Кто посмеет? Ведь все эти директора — это все мальчишки, которых вы вырастили!» Однажды Эрнст позвал меня к себе: «Валентина Михайловна, вы у нас будете на первом канале столько, сколько захотите. И мы хотим дать вам передачу. Только если она мне будет интересна». И я ответила: «Даже если она мне не будет интересна, я сумею ее сделать интересной для себя». Пока я жду. Я умею ждать.

Беседовала
Алена МОРОЗОВА